

ОБРАЗ ПЕРЕЖИВАНИЯ И ОБРАЗ МЫСЛИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Поэтическое произведение, представляя собой необычайно неповторимый в своём роде авторский сотворённый космос, определённым образом отзывается в душе читателя, провоцируя его мысль зашевелиться, а чувство встрепенуться. Для него поэтическое произведение – всего лишь основа для понимания самого себя в стремлении постичь авторский космический мир, чтобы разобраться с происходящим вокруг, с самим собой в данный момент, в данный миг своего земного бытия. И это всё на протяжении некоторого, столь незначительного времени, ставшего значительным, весомым, особенно ценным. Однако это условное время знакомства растягивается на долгое время вечного неподдельного раздумья о том, что же такое происходило, происходит и, может быть, ещё произойдёт, если вскрыть вот эту кажущуюся совершенной простоту. Автор культурно-исторической теории развития психики человека, Л.С. Выготский (1896 – 1934), в своей фундаментальной работе *«Психология искусства»* (1925; 1965) делает по этому поводу закономерный эстетический вывод о том, что «на... единстве чувства и фантазии основано всякое искусство. ...оно... сталкивая противоположные импульсы, уничтожает *аффекты содержания, аффекты формы*, приводя к взрыву, к разряду нервной энергии. В этом превращении аффектов... и заключается *катарсисэстетическая реакция* [1, с. 189].

Стихотворный текст всегда больно бьёт по тем струнам души, отзвуки которых нам всё ещё слышны. Действительно, иногда нелегко даже предположить, вызовет ли вообще нечто тот или иной лирический текст. Это, конечно, особая школа, которую ещё необходимо пройти, вымучив её. Будучи прочитанной, открывающаяся нам лишь отчасти вселенная может показаться трудоёмкой и пробудить обратное ожидаемому чувство. А поэт ведь всегда говорит о том, что мы уже знаем или ещё предполагаем узнать, но так или иначе это всегда не более чем толчок к тому немногому, что предстоит открыть и познать извне, не торопясь, а задумавшись и оторвавшись от суетного бытия. Как справедливо указывал ещё П.И. Аландский (1844 – 1883) в своём труде *«Поэзия как предмет науки»*, «...*поэт получает больше ощущений не потому, что он более щедр в распределении активного внимания, более пристально ищет новых ощущений, а скорее потому, что легче замечает их...*» [2, с. 69 – 70]. Так что, действительно, мнение Аландского о том, что «три звена... сцепляют отдельные данные восприятия в психические содружества: *одновременность, последовательность, сходство...*» [2, с. 74 – 75], находит своё живое и непосредственное подтверждение. Уж точно живая, непрестанно работающая душа встрепенётся ещё и ещё раз лишь тогда, когда живы впечатления,

образы и ощущения нашей памяти. Это витиеватая мастерская невесть как творящихся там многочисленных вдохновений и отдохновений, противоборств и сомнений, недоразумений и снова возвращений к метко сказанной поэтической мысли. Стремление понять её, догнать, устремиться вслед за ней, как мы не раз уже доказывали, возможно, хотя бы при частичном учёте всех консонансных тенденций и идей, структурирующих поэтическую мысль. А это, как ещё утверждал И.И. Гливенко (1868 – 1931), требует, прежде всего, выявления того, что же все рассматриваемые поэтические произведения объединяет. Известный литературовед и историк литературы второй половины 19 века отмечал: «...иногда поэт в самом произведении делает те или иные толкования своим собственным изображениям, уясняя читателю философское или другое значение изображаемых им явлений...» [3, с. 26 – 27].

Часто ведь бывало и так, что этот самый медитативный¹ элемент отдельно взятого стихотворного текста волей-неволей соприкасался непосредственно с некими так называемыми тайными религиозно-философскими учениями, как например, с масонскими. В этот случае, как мы увидим, медитативность носит тайноведческий отпечаток и, конечно, требует отдельного историко-культурного комментария. Так, к примеру, укажем на такого рода поэтические личности, как масонский поэт и философ рубежа 18 – 19 вв. Ф.П. Ключарёв (1751—1822), Ф.Н. Глинка (1786 – 1880) и в некотором роде Ф.И. Тютчев (1803 – 1873), то есть на трёх великих Фёдоров, открывших каждый в отдельности свои неподдельные, особые рубежи в поэзии. У Ф.П. Ключарёва читаем: Чтоб тайну соблюсти — велика добродетель! / Болтливость — вреднейший порок... / Не ведаю, какой владетель / Имел на голове рога — ... / Супруга у него была строга. / От всех таил рога владетель; / Но некто был сему / Нечаянно свидетель. / Ему Царь тотчас приказал, / Чтоб тайну ту он вечно сокрывал. / Он тайну сохраняет, / Но таинство его обременяет. / Крепится умолчать — веленью изменяет...) [4, «Тайна», <1795>]. Здесь явно видно, что поэт в довольно иронично-шутливой форме напоминает читателю о большом значении таинства и верности ему до самого конца. Как один из масонов, которые оберегали от непосвящённых немало сокровенного, он знает, что говорить и как, потому сам мотив тайны (таинства) неслучаен. Ф.Н. Глинка, младший брат С.Н. Глинки и двоюродный дядя Б.Г. Глинки-Маврина, например, утверждал следующее: «...У души есть заветный свой мир: / Своя вера — свои убежденья. / У души свой таинственный пир! / И душа про свое замышляет / И, уйдя из сетей суеты, / Как беглянка летает, летает / Под наметом святой высоты...» [5, «Тайны души», 1841]. О таком же сокровенном, уже вполне в медитативном духе, поэт, также бывший масоном, Ф.Н. Глинка

¹ «Хотя лирическая поэзия, - писал Гегель, - и переходит к определённым ситуациям, в пределах которых лирическому субъекту позволено вобрать в свои чувства и размышления огромное многообразие содержания, всё же форма внутреннего мира всегда составляет основной тип этого рода поэзии, и уже потому она исключает широкую наглядную картину внешней реальности» [Гегель, Г.В.Ф. Эстетика, т. 3, с. 460].

говорит об одной из величайших тайн – тайне души человека (другое стихотворение «Два Я» не в лишний раз свидетельствует об этом). Стоит сказать, что эта мотивная доминанта таинственного, сокровенного, непознаваемого, как становится очевидно, непрестанно оказывается предметом изучения в поэтическом тексте собственно, как и сама ПОЭЗИЯ-СВЯЩЕННОДЕЙСТВИЕ. Формулу, выдвинутую основоположником русского романтизма *В.А. Жуковским*, о том, что «Поэзия есть Бог в святых мечтах земли», многие восприняли как должное и развивали в своём творчестве через ряд незаурядных мыслительных предположений. *Ф.Н. Глинка* стоит в этом отношении особняком, даже в знаменитом послании своему гениальному современнику, не признанному общественностью, *Ф.И. Тютчеву*, он более поэт-духовидец, чем просто думающий, ставящий в этот ряд ещё более неподъёмные вопросы. «...Но в сердце есть отломок зеркала: / В нём видим мы, / Что порча страшно исковеркала / У всех умы!..» («Ф.И. Тютчеву», 1849). Тютчевская же медитация «Silentium!» (1830) также поставила перед нами один из трудоёмких философских вопросов о невозможности выражения в слове всего масштаба семантически столь трудоёмкой мысли: «Молчи, скрывайся и тай / И чувства и мечты свои, / Пускай в душевной глубине / Встают и заходят оне / Безмолвно, как звезды в ночи – / Любуйся ими – и молчи...». Призыв к молчанию вырастает здесь в историческую реминисценцию о том, что «тайное – никому».

В заключение скажем: вот почему встаёт вполне закономерный вопрос, принуждающий нас, читателей, задуматься, чего ожидает от нас автор, какова цель этого совместного мышления, что этим ожидаемым от нас он хотел нам сообщить, о чём напомнить или что же всё-таки пробудить. Вот так посредством столкновения мыслительных реакций, нарочито непредсказуемых, начинается психологический бой незаурядных мыслей, идей, несоответствий, недомолвок. А вот отсюда и начало тому исследовательскому, что закладывает поэт: рождение постижения художественной ткани через заложенные в неё столь, словно и понятные, но всё же еле уловимые мысль и чувство.

Литература

1. *Выготский, Л.С.* Психология искусства / Общ. ред. В.В. Иванова, коммент. Л.С. Выготского и В.В. Иванова, вступит. ст. А.Н. Леонтьева. 3-е изд. М.: Искусство, 1986. 573 с.
2. *Аландский, П.И.* Поэзия как предмет науки. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 208 с.
3. *Гливленко, И.И.* Поэтическое изображение и реальная действительность. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. – 288 с.
4. *Ключарёв, Ф.П.* Тайна («Чтоб тайну соблюсти — велика добродетель!..»). РВБ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikisource.org/wiki>. Дата доступа: 21.11.2014.
5. *Глинка, Ф.Н.* Сочинения. Сост., послесл. и коммент. В.И. Карпеца. – М.: "Советская Россия", 1986.